

УДК 81'42

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ПОЛИТИК-ЖЕНЩИНА КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ФРГ (ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОДИНОЧЕСТВО»)

Е. В. Барышникова, С. И. Дубинин

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, является описание лингво-когнитивного уровня структурно-функциональной модели языковой личности немецкого муниципального политика-женщины, Вероники Кинцле. Выявлено наличие индивидуального концепта «Одиночество» (Einsamkeit) в когнитивной картине мира штутгартского политического деятеля. Опираясь на лингвоперсонологический подход и исследуя концепты, присутствующие в сознании изучаемой языковой личности, авторы приходят к выводу, что концепт «Одиночество» (Einsamkeit) не является типичным для женщин-политиков в Германии, однако, свойственен немецкой культуре в целом.

Ключевые слова: концептосфера, признаки гендерной маркированности и эмотивности, полевая модель концепта, политический дискурс.

В последние десятилетия наблюдается тенденция увеличения числа женщин в политике, а вследствие и рост научного интереса к политикам-женщинам как международного уровня, так и муниципального, как к наиболее однозначным и сдержанным фигурам, так и к скандальным и чересчур экспрессивным. Все это несомненно обусловлено изменением позиции женщины на политической арене в современном мире. Стоит отметить, что ответственность и значимость муниципальных политиков в целом очень велика, потому что именно они являются «гласом народа».

Более того, интерес представляет концептосфера женщины-политика в ФРГ, в большинстве случаев состоящей из таких концептов как *Frau, Familie, Mutterschaft, Flüchtlinge, Sicherheit, Solidarität, Frauenrechte, Gleichheit, Feminismus* и т.д. Данные концепты имеют признаки гендерной маркированности, а также эмотивности.

Многие отечественные ученые, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, В. В. Виноградов, а также зарубежные исследователи, например, Л. Вайсгербер, обращались к языковой личности. Несмотря на то, что

само понятие «языковая личность» появилось относительно недавно, существует большое количество определений, ни одно из которых невозможно назвать универсальным, всеобъемлющим и «правильным». На наш взгляд, определение, данное Л. Азаровой, довольно-таки точно описывает языковую личность, под которой она подразумевает «личность, существующую в процессе коммуникации и отражающую в речевом поведении как свой языковой опыт, так и общий опыт всего человечества» [1, с. 169].

Что касается структурных уровней языковой личности, то нам бы хотелось сослаться на исследовательский опыт основоположника теории языковой личности в отечественной лингвистике, Ю. Н. Караулова. Так, ученый выделяет три базовых структурных уровня языковой личности:

1. *Вербально-семантический уровень* (нормальное владение естественным языком);

2. *Когнитивный уровень* (относительно упорядоченная картина мира, отражающая основополагающие ценности языковой личности, реализуемая посредством системы понятий, идей и концептов);

© Барышникова Е. В., Дубинин С. И., 2023.

Барышникова Екатерина Вадимовна (kbaryshnikovva@gmail.com),

магистрант 1го курса факультета филологии и журналистики,

Дубинин Сергей Иванович (dubinin.si@ssau.ru), профессор кафедры немецкой филологии Самарского университета, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

3. *Прагматический уровень* (цели, установки, мотивы, интересы языковой личности) [2, с. 29].

Следует обратиться к самому понятию «концепта», которое мы рассматриваем как наиболее релевантное для нашего исследования. Так, Е. С. Кубрякова дает следующее определение: «*Концепт – единица ментальных и психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы <...> всей картины мира, отраженной в человеческой психике*» [3, с. 328]. Согласно полевой модели концепта, предложенной воронежской лингвистической школой, а именно З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, концепт имеет ядро, состоящее из «прототипических слоев с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью» (первичные наиболее яркие образы), и периферии с более абстрактными признаками [4, с. 62].

Условия и методы исследования

Настоящая работа ставит своей целью рассмотрение лингво-когнитивного уровня структурно-функциональной модели языковой личности муниципального политика-женщины в Германии и выявление важных для исследуемой языковой личности концептов.

Теоретической базой данного исследования выступают научные работы по лингвистике, когнитивистике, концептологии, политологии и гендерологии.

Нами были использованы такие методы исследования как лингвокогнитивный, а также концептуальный анализ и стилистический.

Результаты и их обсуждение

В интервью газете *Stuttgarter Zeitung*, которое г-жа В. Кинцле дала относительно недавно, 15.11.2022, нам удалось идентифицировать индивидуальный концепт, существующий в когнитивной системе языковой личности муниципального политика-женщины, В. Кинцле, получивший вербализацию на лингво-когнитивном уровне. В контексте гуманитарного знания концепт «Одиночество»

(*Einsamkeit*) исследуется чаще всего в психологии и литературоведении, однако нам предстоит раскрыть его сущность с позиции когнитивной лингвистики.

Г-жа Вероника Кинцле, выступающая в качестве исследуемой нами языковой личности, имеет довольно-таки интересные моменты из биографии, которые, несомненно, повлияли как на ее личную жизнь, так и на профессиональную политическую деятельность. Родилась В. Кинцле в немецком городе, Бремене, в 1962 году и сразу же попала в детский дом, где она провела первые четыре года своей жизни до ее удочерения приемными родителями из маленькой деревушки Ворпсведе.

О своих сокровенных воспоминаниях она поделилась в интервью Хильке Лоренц, редактору местной газеты *Stuttgarter Zeitung*.

С точки зрения образного компонента, концепт «Одиночество» (*Einsamkeit*) можно рассматривать как зачастую негативное эмоциональное состояние, вызванное отсутствием связи с другими людьми, с обществом по тем или иным психологическим, физическим или социальным причинам. В немецком сознании для номинации этого состояния существует отдельная лексема *Einsamkeit*.

На данном этапе представляется возможным определить границы полевой модели концепта «Одиночество» (*Einsamkeit*), имеющего место в сознании В. Кинцле как языковой личности.

Безусловно, ядром данного концепта будет лексема *Kinderheim*, которая также зачастую заменяется производным понятием *Bremer Kinderheim* (“*ich habe das Bremer Kinderheim, in das ich gleich nach meiner Geburt gekommen bin, nicht als Zuhause empfunden*”). Для политика данная лексема выступает неким триггером, который погружает ее в воспоминания о непростом жизненном периоде, который ей пришлось пережить в раннем возрасте.

Также к ядру концепта *Einsamkeit* в когнитивной системе г-жи Вероники Кинцле мы относим и понятие *Flüchtlingsdorf Botnang*, в рамках которого политик рассуждает об одиночестве, возникающем у беженцев из Боснии и Герцеговины в период Боснийской войны из-за затрудненной интеграции в немецком обществе.

Данные лексемы, безусловно, имеют наибольшую чувственно-наглядную конкретность и являются самыми яркими образами в сознании исследуемой языковой личности.

Что касается периферии концепта *Einsamkeit*, то здесь, согласно принципу актуализации более абстрактных признаков, мы можем выделить такие составляющие, как *nicht als Zuhause, auf ein Elternhaus warten, seelische Krise, erschreckende Schwermut, so etwas Trauriges, meine biologische Mutter, anders heißt wie ihre Eltern*, относящиеся к *Kinderheim*, и *sechs Häuser mit 287 Geflüchteten, alle Unzulänglichkeiten eine emotionale Heimat, Fremde* и *alleinerziehende Flüchtlingsfrauen und deren Kinder*, относящиеся к *Flüchtlingsdorf Botnang*, соответственно.

Рассмотрим более внимательно понятия, входящие в состав периферии концепта *Einsamkeit* в когнитивной системе г-жи Вероники Кинцле.

Сперва рассмотрим выражение *nicht als Zuhause*, которое, по нашему мнению, принадлежит к периферии исследуемого нами концепта. Именно так В. Кинцле актуализирует образ детского дома, в котором воспитанники находились в состоянии ожидания приемных родителей и обретения отчего дома, в котором они больше не будут себя чувствовать одинокими и неполноценными (*“ich habe das Bremer Kinderheim, <...>, nicht als Zuhause empfunden. Uns wurde immer klargemacht, dass wir auf ein Elternhaus warten”*).

После удочерения, а именно в первые месяцы адаптации, В. Кинцле переживает настолько тяжелый душевный кризис (*seelische Krise*), что суицидальные мысли посещают маленькую Веронику. Это сильно сказывается на ее моральном состоянии и приводит к перманентному чувству вины из-за неясности своего происхождения. Несмотря на то, что у нее появился дом, она все равно чувствует себя одиноко (*“Ich erinnere aber auch noch, dass ich in den ersten Monaten im neuen Zuhause eine seelische Krise durchgemacht habe. Ich bin um einen Weier gelaufen und habe gedacht, ich könnte jetzt dort sterben. Offenbar habe mich gefragt, ob ich im richtigen Leben angekommen bin. Rückblickend empfinde ich diese Schwermut erschreckend. Ich war noch im*

Vorschulalter, wie kann ein Kind so etwas Trauriges denken?”).

Erschreckende Schwermut и *so etwas Trauriges* из примера выше также, по нашему мнению, вербализируют концепт «Одиночество» в первые месяцы жизни в новом Zuhause после удочерения.

Далее представляется интересным обратиться к образу биологической матери (*biologische Mutter*), который не покидает политика всю жизнь, напоминает об одиноком детстве и выступает неким незакрытым гештальтом, с которым г-же Веронике Кинцле приходится жить и по сей день (*“lebe ich mein ganzes Leben gedanklich auch mit meiner biologischen – Mutter”*). Более того, *“gedanklich”* указывает нам на когнитивное пространство образа биологической матери в сознании политика, которая обрекла маленькую В. Кинцле на страдание и одиночество в детском доме.

Что касается, *anders heißt wie ihre Eltern*, то и здесь также прослеживается воплощение концепта «Одиночество» в сознании избранной нами языковой личности. Речь идет о постоянной дифференциации Вероники Кинцле и ее приемных родителей по критерию отсутствия родства и несовпадения их фамилий. Несмотря на то, что одиночество на физическом уровне было преодолено – на ментальном и психологическом уровнях оно отнюдь никуда не исчезло (*“In Worp-swede haben alle gewusst, dass „die Kleine aus der Hembergstraße“ aus dem Kinderheim ist und anders heißt wie ihre Eltern”*). В сочетании с лексемой *Kinderheim*, концепт «Одиночество» вербализируется в данном фрагменте вдвойне болезненно и экспрессивно.

Обратимся к понятиям, которые также находятся на периферии концепта «Одиночество» (*Einsamkeit*), но соотносятся уже с образом *Flüchtlingsdorf Botnang* в когнитивной системе политика.

В. Кинцле как менеджер-координатор деревни беженцев в Ботнанге и многие другие равнодушные немцы смогли организовать пространство на территории земли Баден-Вюртемберг – *sechs Häuser mit 287 Geflüchteten*, которое способствовало ускоренной, а также менее болезненной интеграции иностранцев, оказавшихся в тяжелом положении в незнакомой им стране и столкнувшихся

с чувством одиночества на национальном уровне из-за языкового, культурного, а также ментального барьеров. В. Кинцле также отмечает, что полностью ликвидировать чувство одиночества у беженцев и достичь идеального результата зачастую просто не представляется возможным (*Unzulänglichkeiten eine emotionale Heimat*), ведь искусственно воссозданные условия, отдаленно напоминающие Родину, лишь моделируют иллюзию жизни дома (*“Ich wollte, dass diese sechs Häuser mit 287 Geflüchteten, trotz aller Unzulänglichkeiten eine emotionale Heimat werden, so wie ich die in meiner Pflegefamilie gefunden habe”*). Однако общественные деятели и политики, занимающиеся вопросом беженцев, прилагают все усилия для облегчения процесса ассимиляции на территории своего государства.

Политик также во время ответа на вопрос интервьюера использует лексику *Fremde* для обозначения беженцев, которых немцы воспринимают как чужаков, тем самым изолируя их от себя и обрекая на одиночество в рамках диаспоры (*“Und auch Mut machen will Fremde freundlich aufzunehmen, sie zu integrieren”*).

Г-жа В. Кинцле выделяет отдельную категорию иностранных граждан – *alleinerziehende Flüchtlingsfrauen und deren Kinder*, которым необходима поддержка штутгартцев и государства. Более того, они нуждаются в преодолении чувства физического, психологического и ментального одиночества, так как являются наиболее уязвимой и беспомощной группой людей в обществе (*“Außerdem engagiere ich mich ehrenamtlich weiterhin für alleinerziehende Flüchtlingsfrauen und deren Kinder”*).

Из этих идей и понятий, по нашему мнению, и состоит периферия концепта «Одиночество» в когнитивной системе политика, языковую личность которого мы исследуем.

Заключение

По итогам комплексного анализа было выяснено, что языковая личность муниципального политика, участвуя в осуществлении коммуникации, имеет больше свободы, чем, к

примеру, политик международного уровня, ведь круг тем, которые может освещать языковая личность политика, осуществляющего свою деятельность на уровне района или же города, намного шире и разнообразнее. Так, например, немецкий политик из Штутгарта, Вероника Кинцле, в своем недавнем интервью смогла поделиться откровенными воспоминаниями о своём трудном детстве, которое ей пришлось провести в бременском детском доме, в ожидании приемной семьи.

В результате исследования нами было обнаружено, что концепт «Одиночество» (*Einsamkeit*) не является типичным для женщин-политиков в ФРГ, однако, свойственен для немецкой культуры в целом. Данный концепт неотъемлемо присутствует в картине мира языковой личности Вероники Кинцле, однако реализуется ею описательно, без участия лексики *Einsamkeit*, обозначающей состояние одиночества в немецком языке. Именно поэтому, восстановленная в ходе исследования полевая структура концепта «Одиночество» (*Einsamkeit*) является уникальной и индивидуальной для исследуемой языковой личности г-жи Вероники Кинцле.

Литература

1. Азарова Л. Понятие языковой личности в лингвистике [Электронный ресурс] // *Annales universitatis Mariae Curie - Skłodowska Lublin – Polonia – 2017. – URL: http://dlibra.umcs.lublin.pl/Content/28648/czas17868_35_1_2017_13.pdf (дата обращения: 20.09.2021).*
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2002. 29 с.
3. Кубрякова Е. С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека // *Актуальные проблемы современной лингвистики*. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 62 с.
5. *Ich war trotz allem ein Wunschkind // Familie und Partnerschaft*. Stuttgart, 2023.

FEMALE MUNICIPAL POLITICIAN AS A LINGUISTIC PERSONALITY IN GERMANY (VERBALIZATION OF THE CONCEPT “LONELINESS”)

E. V. Baryshnikova, S. I. Dubinin

The article deals with the linguistic-cognitive level of the structural-functional model belonging to the linguistic personality of the German municipal female politician, Veronika Kienzle. The presence of the individual concept “loneliness” (*Einsamkeit*) in the cognitive world’s representation occurs in the politician’s mind. This paper is based on the linguopersonological approach and analyzes concepts presented in the mind of the studied linguistic personality. In the end the authors come to the conclusion that the concept “loneliness” (*Einsamkeit*) is not typical for female politicians in Germany, however, it can characterize German culture as a whole.

Key words: conceptosphere, gender and emotiveness signs, model of the concept, political discourse.

Статья поступила в редакцию 01.07.2023 г.

© Baryshnikova E. V., Dubinin S. I., 2023.

Baryshnikova Ekaterina Vadimovna (kbaryshnikovva@gmail.com),

1st year master student of the Faculty of Philology and Journalism

Dubinin Sergei Ivanovich (dubinin.si@ssau.ru), professor of the Department of German Philology of Samara University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse, 34.